

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЕЩАМ В СИМВОЛИСТИЧЕСКОМ
МИРОВОЗЗРЕНИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В НАШЕ ВРЕМЯ**Фумиказду Осука*

Цель данной работы – определить значение русского символизма начала XX века для нашего времени. Символистическое мировоззрение содержит в себе своеобразное отношение к вещам, открывая, на наш взгляд, новые возможности в философской онтологии и эстетике. В России исподволь существовало органическое мироощущение – ср., в частности, термины “средневековый синтез” в отношении средневековой мысли, словесности, культуры и религиозных воззрений, “цельное знание” у славянофилов, “философия всеединства” у Вл. Соловьева и Л. Карсавина, “всенародное искусство” у Вяч. Иванова, “органика” у М. Матюшина и др. В чем-то сходное мироощущение можно найти в странах Востока, включая и Японию. Поэтому имеет смысл сегодня, по прошествии почти ста лет, переосмыслить значение эпохи русских символистов и определить место символистического мировоззрения в начале нового столетия.

Обращаясь к символистическому мировоззрению, в первую очередь необходимо коснуться концепции Вяч. Иванова. Вяч. Иванову принадлежит одно из самых глубоких, хотя и с трудом поддающихся интерпретации, толкований символа и мифа. Статью “Две стихии в современном символизме” (1908) Иванов начинает утверждением: “Символ есть знак или означенное. То, что он означает или знаменует, не есть какая-либо определенная идея”. И далее: “В разных сферах сознания один и тот же символ приобретает разное значение. <...> Смысл его <символа> ... раскрывается в соответствующем мифе”.¹ Эти построения закладывают основу для семиотической системы.

* Текст доклада IX Международной Ивановской конференции “Поэт – мыслитель – ученый”. К 140-летию со дня рождения Вячеслава Иванова (Москва, 18-23 декабря 2006 г.).

¹ *Иванов В. И.* Собрание сочинений. Т. II. Брюссель 1974. С. 537.

В действительности, на этой основе А. Ф. Лосев построил философскую систему символизма как систему семиотическую. В книге “Диалектика мифа” (1930) он определил понятие символа с помощью эстетической концепции Канта и Шеллинга: символ как “равновесие между ‘внутренним’ и ‘внешним’, идеей и образом, ‘идеальным’ и ‘реальным’”.² Другими словами, мы одновременно видим две стороны символа, то есть, его образ и смысл. Это первоначальная форма знака, основанная на сочетании означающего и означаемого. Лосев определил ее как “символ первой степени”.³ А “символ второй степени” указывает на другое значение, “кроме непосредственного образного значения”. Так, семантика крови может нести самые разные значения. Лосев пишет об оживлении душ в Аиде кровью, например в “Одиссее”, и перечисляет другие обычаи, связанные с кровью. Таким образом, многозначность символа и его связь с мифом, которые отметил Иванов, были восприняты Лосевым в его философии символа.

Ивановское учение о символе также формирует основу для эстетической теории. В указанной статье Иванов пишет: “Символизм – искусство, основанное на символах. Оно вполне утверждает свой принцип, когда разоблачает сознанию вещи как символы, а символы как мифы. Раскрывая в вещах окружающей действительности символы, т. е. знаменья иной действительности, оно представляет ее знаменательной”.⁴ Здесь под словом “иная действительность” Иванов имеет в виду нечто трансцендентное, скорее всего, религиозную потусторонность. Неслучайно Иванов высоко ценил идею ‘теургии’ у Вл. Соловьева и подчеркивал, что “теургический принцип в искусстве есть принцип наименьшей насильственности и наибольшей восприимчивости”. Он учит, что художник должен утончить слух, и слышать, “что говорят вещи”. Рецептивное, женское отношение к вещам Иванов считал ‘реализмом’.

Такая точка зрения открыла новые возможности для эстетики и философской онтологии. По мнению Иванова, “налагать свою волю на поверхность вещей” – ‘идеализм’. С нашей точки зрения, эта мысль приводит к интересным и далеко идущим умозаключениям. Принятие и осмысливание вещи может быть различным, а произвольное толко-

² Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. 1990. С. 77.

³ Там же. С. 70.

⁴ Иванов В. И. Собрание сочинений. Т. II. С. 537-538.

вание художника исключает потенциальную многозначность вещи. Одно толкование построено на одной мифической основе. Но вещи включают в себя богатые возможности их толкования. Они могут содержать самые разные смыслы, которые дают различные мифы.

Однако толкование вещи не всегда зависит от произвола воспринимающего ее субъекта. Восприятие вещи – непосредственная, иной раз интуитивная реакция. По мнению Лосева, такое интуитивное восприятие основано на “целесообразности”, которая управляет нашим эстетическим миропониманием. Здесь Лосев использовал кантовскую эстетическую теорию, изложенную в книге “Критика способности суждения” (1790). Кант утверждал, что “целесообразность” не связана с настоящей целью вещи, а связана с субъективным взглядом на вещь. Она есть причина ‘чувства удовольствия’, которое приносит чувство красоты. Кантовское учение показывает, что мы неосознанно подчиняемся мифическому мироощущению, которое заставляет нас толковать вещи определенным образом. Статьи о символе и символизме Вяч. Иванова показывают возможность осмысления вещей в свете различных мифических взглядов.

Нам представляется, что Иванов стремился постичь истинную сущность вещи. Почему Иванов подчеркивает религиозность символистического творчества? С религиозной точки зрения, все вещи – божественны, оттого художник не создает сущность вещи, а только раскрывает эту сущность. Не случайно ивановский реализм утверждает именно принцип верности вещам. Таким образом, эстетическое отношение к вещам как символам нашло последовательную философскую основу.

Однако, такому символистическому учению присуща некоторая неполнота. Конечно, Иванов не отвергает самоценность деятельности художника, но в ряде ситуаций ‘восприимчивость’ может приблизиться к пассивности или даже к подчинению какой-либо готовой идее. Если мы рассматриваем всеобщее онтологическое и экзистенциальное отношение к вещам символистов, то надо ответить на вопрос о субъективности и объективности в символистической перспективе. Ведь Кант учил, что эстетическое суждение само по себе субъективно, но оно требует универсальной санкции. Другими словами, когда мы воспринимаем образ вещи, мы не осознаем рамки познавательного и эстетического суждения, а естественно получаем его, как будто сами вещи объективно даются нам. Но воспринимаемый образ вещи обу-

славливается нашими способностями познания. Иванов прав, признавая ограниченность нашего познания и требуя исключения субъективного произвола в художественном творчестве. Но возможно ли раскрыть сущность вещи при ‘пассивном’ отношении к вещам?

Логика не дает нам удовлетворительного ответа, за которым, наверное, следует обратиться к трактовке ‘восприимчивости’. В этой связи рассмотрим как два ведущих представителя русского символизма – Бердяев и Иванов – интерпретировали ‘государство’ в своем споре 1915 г. о наследии славянофильства.

Бердяев критиковал соблазн “пассивности, покорности, рабству у национальной стихии, женственной религиозности”.⁵ Он опасался, что “у русского народа есть государственный дар покорности, смирения личности перед коллективом”, несмотря на его “безгосударственность”. По Бердяеву, Вяч. Иванов, наряду с В. Эрном и С. Булгаковым, хотел бы восстановить “старое и устаревшее в славянофильстве”.⁶ Все это, считал Бердяев, – признаки кризиса или даже вырождения символистического мировоззрения.

Иванов ответил Бердяеву в статье “Живое предание”. Он считал, что в основу своего государственного права славянофилы положили “римский принцип” – “принцип ‘депозиции’ народной воли в руки лица или лиц, призванных к власти”. Высоко оценив “монархически самоопределившееся народоправство” в славянофильстве, Иванов утверждал, что рост политической свободы возможен на живом предании славянофильства.⁷

Показательно, что в этой статье символистический взгляд Иванова определил характер его мысли. Иванов писал: “Земля русская и русский народ принимаются не как очевидность внешнего опыта, но как сущность умопостигаемая”.⁸ И здесь Иванов призывает к верности метафизической сущности Руси.

Статью “Живое предание” Бердяев оспорил в своем эссе “Омертвевшее предание”. В мысли Иванова Бердяев видел опасность того,

⁵ Бердяев Н. А. О “вечно-бабьем” в русской душе // Судьба России. Кризис искусства. М. 2004. С. 46.

⁶ Бердяев Н. А. Эпигонам славянофильства // Мутные лики. М. 2004. С. 75.

⁷ Иванов В. И. Живое предание // Судьба России. Кризис искусства. С. 312-313.

⁸ Там же. С. 306.

что вера в интеллигивельную Русь подменится верностью реальному государству. Критикуя женственную пассивность в сфере политической жизни, он последовательно утверждал важность участия в ней народа. Он требовал 'секуляризации', которая выполнила бы слова Христа: "Воздайте кесарево кесарю, а Божье Богу". Он подчеркивал, что "Христос разделил 'Божье' и 'кесарево' и секуляризировал царство кесаря".⁹ По мнению Бердяева, позиция Иванова позволяла абсолютизировать земное государство и допускала политическую безответственность народа.

На наш взгляд, 'государство', подобно другим вещам, может истолковываться в разных значениях. Желаемый образ 'государства' таков, что внушает веру в осуществление истины, добра и красоты. Возможно ли найти соответствующее 'повивальное искусство' для облегчения рождения или обновления 'государства'? В случае положительного ответа, следует наметить синтез ивановской и бердяевской концепций. Создается впечатление, что Иванов и Бердяев нередко говорят об одном и том же различными словами. В частности, Иванов критикует Бердяева за то, что тот смешивал "имманентный опыт иконопочитания" "с трансцендентным опытом рабского обоготворения кумиров".¹⁰ Прежде Иванов писал, что поэт – "орган народного самосознания" и через поэта "народ вспоминает свою древнюю душу".¹¹ Скорее всего, Иванов признавал имманентный мистический опыт в народном духе. Бердяев отвечал ему: "Иконы, культ и вся 'плоть' религиозной жизни имеют для меня глубокое символическое значение. <...> Вся материальная, объективно-предметная жизнь – лишь символы и знаки духовной жизни и духовных путей человека".¹² Бердяев видел в иконе место встречи божественной энергии и человеческих устремлений. Если икона, материальное означающее которой состоит из доски и краски, может оказаться объектом религиозного поклонения, причастна к святости, если народ и страна могут обладать некоей святостью, то хотелось бы думать, что государству также может быть присуща некоторая часть святости. Современное государство

⁹ Бердяев Н. А. Омертвевшее предание // Мутные лики. С. 107.

¹⁰ Иванов В. И. Живое предание. С. 311.

¹¹ Иванов В. И. Копье Афины, 1904 // Иванов В. И. Собрание сочинений. Т. I. Брюссель 1971. С. 727.

¹² Бердяев Н. А. Омертвевшее предание. С. 108-109.

должно быть вместилищем народной воли, т. е. воплощением наших действительных нужд и нравственных желаний.

И в этом нам хотелось бы увидеть новую русскую идею, которая наследовала бы великой эстетической и философской мысли прошлого. Хочется верить, что Россия сейчас находится на пороге нового подъема, прежде всего культурного и духовного.